

ШАНТАЛЬ ПРЕВО

ПОД КОНТРОЛЕМ

ЖЕНСКИЕ
СУДЬБЫ
ПОСЛЕ
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

ПЕРЕВОД ЛЮДМИЛЫ НИКИТИНОЙ

УДК 94(44).04 + 94(44).05
ББК 63.3(4Фра)
П71

Chantal Prévot
LE SEXE CONTRÔLÉ
Être femme après la Révolution
Опубликовано с согласия Lester Literary Agency & Associates

Перевод с французского Людмилы Никитиной

Научный редактор Юлия Сафронова, историк-франковед

Превос Ш.

П71 Под контролем: Женские судьбы после Французской революции / Шанталь Превос ; [пер. с фр. Л. О. Никитиной]. — М. : КоЛибри, Издательство АЗБУКА, 2026. — 432 с.

ISBN 978-5-389-25889-1

Пока Наполеон перекраивал карту Европы, во Франции возводилась «гранитная глыба» Гражданского кодекса — закона, который на целое столетие превратил женщину в вечное несовершеннолетнее дитя. Каковы были стремления, радости и горечи женщин в стране, переживающей столь глубокие изменения? О чем они думали, о чем мечтали? Как строили взаимоотношения с мужчинами в повседневной жизни?

Опираясь на уникальные архивные источники — личные письма, дневники, мемуары, — известная исследовательница Шанталь Превос обращается к судьбам женщин самых разных сословий, от владелиц салонов до скромных горожанок, крестьянок, маркитанток. Истовая сторонница Революции Розали Жюльен посещает заседания Законодательного собрания и верит в социальные перемены. Художница Аделаида Муатт пишет в дневнике про злободневные события, спорит с властями, руководит хозяйством и устраивает помолвку приемной дочери. Маркитантка Ида Сент-Эльм годами странствует по Европе, следует за армией и оставит после себя скандальную биографию в восьми томах. Строгое монастырское воспитание и тонкости салонного этикета, ужасы родов и тяготы жизни — эта книга показывает, как «второй пол» выживал, любил, протестовал в тени Гражданского кодекса.

ISBN 978-5-389-25889-1

© Passés composés / Humensis, 2024

© Никитина Л. О., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

КоЛибри®

Подведу итог: мы наделяем женщин талантами, но не желаем, чтобы они ими пользовались, пугая их обвинениями в педантизме и себялюбии. Мы стремимся внушить им добродетели, но сами же зачастую обвиняем их в ханжестве. Мы недовольны ими, если они не веселы, не игривы и не принаряжены, но отказываем им в средствах к достойному существованию; мы их обожаем, и мы же делаем их несчастными. Если это не противоречие, то я не знаю, что тогда им является.

*Journal des dames et des modes*¹,
5 марта 1818 года

¹ Газета о дамах и моде (фр.). — Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.

Введение

Решение посвятить историческое исследование французским женщинам эпохи Консульства и Империи, сузив временные рамки до каких-то 15 лет, может показаться странным и даже парадоксальным. В работах, посвященных «женскому вопросу», у этого периода отсутствует единая хронология. Порой в этих годах усматривают угасающий след ослепительной кометы Французской революции конца XVIII века, а порой причисляют их к эпохе Реставрации — предтече буржуазного века, бурного и противоречивого.

Многие исследователи и исследовательницы Французской революции воспринимают 1800–1815 годы лишь в качестве прискорбного окончания изобильного и многообещающего периода, который посттермидорианские консерваторы превратили в оплот роялизма и стагнации. Эти времена военной диктатуры зачастую описываются туманным выражением «последствия Революции», а что касается «положения женщин, то [оно] зачастую сводится к роли, отведенной им Гражданским кодексом» [1]. Оттого напрашиваются некорректные выводы о «закрепощенном» [2] статусе женщин. К этому добавляется глубокое отвращение к авторитарному захвату власти Наполеоном Бонапартом, военному перевороту, восстановлению религии и приходу к правлению

предпринимательской буржуазии. В общем, это была несчастная эпоха, республиканские и эгалитарные идеалы которой были уничтожены циничными военными и выскочками-оппортунистами.

Такой подход совершенно не разделяют специалисты по Первой империи: во главу угла они предпочитают ставить возвращение к прагматизму и гармонизацию общества, уже истощенного политическими страстями. Многие восхищаются наполеоновской эпопеей, считая, что этого храброго человека Франции послало само провидение в переломный момент ее беспокойной истории. Они не рассматривают женщин как некую группу людей, наделенных общей судьбой, в качестве движущей силы: в разгар геополитических и экономических игр спутницы героев, согласно устоявшейся ментальности преимущественно аграрной нации, остаются незамеченными, скрытыми за кавалькадами, оголенными саблями и барабанным боем.

Противоречивые взгляды на особенности консульского и имперского периодов во многом объясняют особое место, которое эта эпоха занимает в современных многочисленных исследованиях по женской истории. На протяжении 20 лет «проженские» общественные течения, зародившиеся в 1789–1793 годах, становились предметами глубоких исследований, отмеченных американскими университетами, специализирующимися на гендерных вопросах. Английское выражение *up from the footnotes* прекрасно иллюстрирует развитие подобных исследований: если раньше им отводилось место в сносках, то теперь они фигурируют в заголовках вверху страницы. Недавний обзор роли женщин во время Революции (и, так или иначе, Империи) затрагивает малоизученные области. Многие из этих работ освещают нарративы совершенно по-новому, анализируя их с точки зрения того, насколько хорошо или плохо были представлены женщины на политической арене, придавая им больше видимости. Революционная эпоха воспринимается размыто, временные

рамки сдвигаются как в сторону более ранних дат, начиная с 1770-х годов, так и более поздних, вплоть до 1820-х. Сегодня широко известно, что женщины участвовали в революционных событиях, выступали с трибун парламента, подписывали петиции и открывали женские политические клубы. К более известным Олимпии де Гуж и Анне-Жозефе Теруань де Мерикур присоединились Клер Лакомб, Полина Жюльен, Фанни Рауль [3], а также вязальщицы¹. Даже католичка Шарлотта Корде стояла у истоков эмансипации: острием ножа она внесла свою лепту в восстание². Тот факт, что после 1793 года, ввиду настроений того времени, этих первооткрывательниц предали забвению, уже говорит о многом.

Что касается женщин при Империи, то, выходит, они лишь страдали и терпели пренебрежение со стороны мужчин? Довольствовались ролями покорных жен, безутешных матерей и посрамленных любовниц? Важно понимать, что ни Консульство, ни Империю нельзя низводить до мрачной эпохи или же возносить до потерянного рая. Обществу приходилось маневрировать между традициями, их разрушением и новой политикой. Последние представители элиты Старого порядка, неизбежно испытывающие ностальгию по сословному обществу и создающие мифы о той давно ушедшей вселенной, оказались на задворках. Их можно назвать пленниками того времени, когда они были молоды и привилегированны. Они противостояли санкюлотам, которые мечтали о полностью обновленной нации, а теперь испытывали лишь горечь оттого, что дело революции не было доведено до конца. Их время тоже уже прошло. Остальные же граждане (подавляющее большинство) жили настоящим

¹ Вязальщицы — обобщенное название для женщин из народа, санкюлотов — сторонниц якобинцев и «бешеных». Прозвище было им дано потому, что они приносили вязание на галерку парламента и к подножию гильотины. — *Прим. науч. ред.*

² 13 июля 1793 года Шарлотта Корде заколола ножом одного из лидеров якобинцев, Жана-Поля Марата. — *Прим. ред.*

и стремились к стабильности. Постконфликтное общество требовало от них разрываться между старыми порядками и более новой повесткой республиканской мысли, а позднее — имперских директив.

Какие стремления побуждали женщин к действию в бурно меняющемся государстве? Что они знали о своих гражданских, политических и образовательных правах? Какие отношения складывались между мужчинами и женщинами в семейном кругу? О, разумеется, пытаться схватить то, что составляет соль жизни, — все равно что набрать горсть песка и чувствовать, как он утекает сквозь пальцы. Но и тех песчинок, что все же задержались в ладони, уже достаточно, чтобы частично воссоздать факты, образ мышления и действий, реакции, свойственные человеку. Все это позволяет конкретизировать некие совокупные представления, по большей части схематичные, неполные и несовершенные, которыми, конечно же, легко манипулировать. К счастью, нам доступно довольно много мемуаров и иных произведений, написанных женщинами в начале XIX века: тот период переживал «настоящий нарративный импульс» [4]. В вводной части писательницы неизбежно подчеркивали, что не забывают о скромности. Не может быть и речи о том, чтобы они вмешивались в течение истории, как обыкновенно и естественно поступают мужчины (даже если большинство из них, по всей видимости, всего лишь ее пересказывают). Писательницы же более неприметные (и более проникательные?) старались уловить дух времени, немного повествуя о собственной жизни. Такой сдержанный подход, однако, не мешал женщинам, проявив социально одобряемое смирение, откровенно высказываться о политических ситуациях и стоявших за ними мужчинах. Так же обстоят дела с автобиографией Элен де Шабер (если обращаться к недавним публикациям). Существует и иной способ получить хотя бы приблизительное представление о том, что интриговало, беспокоило и озадачивало людей того времени, а именно — публикация писем.

Исследовательское поле продолжает расширяться ввиду возрастающего интереса. Любительницы эпистолярного жанра отнюдь не ограничиваются только светскими или романтическими хрониками. Приведем некоторые любопытные исследования: так, Анн Вержю и Дениза Дэвидсон провели анализ писем, которыми обменивались члены семьи Моран де Жуффри, а Пьер Живодон воссоздал хронику Кавеньяков, уделив особое внимание центральной роли Жюльетты де Корансез. Уместно будет вспомнить также корреспонденцию Розалин Жюльен. Посредством писем устанавливается особая близкая связь с их составительницами. Личные дневники представляют еще больший интерес: мы приведем отрывки из самых известных, хоть и опубликованных лишь частично дневников Аделаиды Муатт, загруженной хлопотами по хозяйству художницы и жены известного скульптора, умершей в 1807 году. Со всей тщательностью, граничившей с одержимостью, мадам Муатт фиксировала каждую поездку, покупку и мысль, которые составляли ее дни. Более того, она документировала все беседы и перепалки со своим мужем (ворчливым ипохондриком), а также обстоятельства сорванной помолвки в ее доме. Человеческие судьбы индивидуальны, но не представляют собой вопиющих исключений. Они проливают свет на общую картину мира и вносят собственный вклад в более обширную летопись того времени. Литературные произведения, особенно романы, также отражают проблемы и настроения, из которых сплеталась повседневная жизнь. Через доступное им творческое пространство женщины осмыслили противоречия между чувствами и браком.

К сожалению, эти свидетельства, «источники», если прибегать к излюбленному термину историков, репрезентативны не для всех слоев общества. Нам хорошо известно о социальной неполноте корпуса, фактически ограниченного одним сословием: основную часть свидетельств (если не подавляющее большинство) оставили зажиточные люди, монополизировав все внимание. Ввиду отсутствия прямых

свидетельств представителям рабочего класса и прислуги (не говоря уже о крестьянах), то есть трем четвертям населения Франции, приходится довольствоваться местом в тени. В очереди к врачу-гигиенисту мы часто встречаем работниц и проституток, в салонах — служанок, в замках и префектурах — крестьянок. Однако источники не учитывают реальное соотношение данных социальных групп. Между городским и сельским мирами, между Парижем и провинцией возникает несоответствие. По сути, до нас доносятся голоса только «достойных» женщин, крестьянки же остаются безмолвными. Мы мало знаем о том, как они жили, и почти ничего о том, что думали. При этом они почти не вызывают исследовательского интереса, и возникают опасения, что это положение дел сохранится; а поскольку архивные фонды, о которых никто не знает, могут лишь молчать, такие женщины обречены на невидимость и забвение.

Учитывая это исследовательское искажение, нас тем сильнее интересуют, интригуют, даже захватывают дошедшие до нас отголоски, страницы, написанные больше 200 лет назад. Они показывают, что отношения между мужчинами и женщинами были более утонченными, разнообразными и, на наш взгляд, более современными, чем позволяют предположить сухие юридические тексты и ожесточенная риторика некоторых врачей. Они помогают понять принятое в обществе поведение, не оценивая его с точки зрения нынешних требований и мышления. Ведь, изучая задокументированные факты, мы должны помнить о подходе, который можно кратко обозначить так: «в соответствии с духом времени». Это значит, что, не отказываясь от критического мышления, мы должны помнить, что для каждой эпохи характерны определенные представления.

К ним относится в том числе концепция двух противоположных полов, между которыми установлена иерархия. Сама по себе эта концепция, усвоенная в детстве, — результат образовательной программы, столь же гендерно специфич-

ной. В соответствии с республиканским идеалом, первый этап обучения возлагался на матерей, и эта роль, навязанная или нет, была неоспоримо важна. Мальчики ускользали из-под их влияния, едва выйдя из раннего детства, девочки же оставались в их полном распоряжении вплоть до самого замужества. Не кто иные, как матери, прививали им добродетели целомудрия, скромности, чистоты, учили их быть верными супругам и любить своих детей. Именно собственным примером они показывали, как управлять сложным домашним хозяйством, включавшим мужа, жену, детей и прислугу (перечислено в иерархическом порядке). Зачастую женщины вели повседневный учет доходов и расходов, вне зависимости от социального класса.

Что касается именно женского образования, то его основной целью было не воспитать ученых женщин, которых ассоциировали со смешными жеманницами¹ и ненавистными аристократками, а подготовить будущих матерей и жен к исполнению их долга. Для этого они должны были быть просвещенными — достаточно, но не слишком. Таким образом, их обучение ограничивалось практическими областями, затрагивая лишь некоторые общие знания. Руссо резюмировал это в своем труде 1762 года [5]:

«Таким образом, все воспитание женщин должно иметь отношение к мужчинам. Нравиться этим последним, быть им полезными, снискивать их любовь к себе и почтение, воспитывать их в молодости, заботиться о них, когда вырастут, давать им советы, утешать, делать жизнь их приятною и сладкою — вот обязанности женщин во все времена, вот чему нужно научить их с детства»².

¹ «Смешные жеманницы» (*Les Précieuses ridicules*, 1659) и «Ученые женщины» (*Les Femmes savantes*, 1672) — комедии Мольера, высмеивающие попытки придать себе важности в вычурных, но пустых и глупых беседах. — *Прим. науч. ред.*

² Перевод Е. Н. Бируковой.

Интеллектуальная составляющая образования, которое девочки получали, находясь под протекцией и полным контролем своих семей, сокращалась в угоду морали и практическим навыкам. Смелая идея начальных школ для девочек привлекала внимание первых революционных деятелей, но затем не получила ни должной поддержки от следующих политиков, ни финансовых и человеческих ресурсов. Более традиционные пансионы при религиозных учреждениях во времена Революции массово закрывались. После этого система полностью не восстановилась, образование для девочек оставляло желать лучшего, будучи неполным и прерывистым. Частные школы-интернаты слегка исправляли ситуацию, но их было не так много, и доступны они были лишь тем семьям, которые допускали (или же выбирали) несколько более либеральное образование.

В данном контексте участь женщины как никогда раньше зависела от семейной жизни, заключения брака и, кроме того, ее способности к продолжению рода, поскольку рождение и воспитание детей вменялись ей как высочайший долг. Поэтому от брака действительно зависело все. Фактически замужество было едва ли не единственным приемлемым для женщины положением, которое обеспечивало бы ее существование и, кроме того, облегчало распределение финансов и недвижимости между семьями. Подобное единство интересов было далеко не новой идеей и лишь подтверждало свою важность. Однако среди представителей зажиточного класса набирало силу новое веяние, которое выходило за рамки регулирования экономических и поколенческих отношений: убеждение, что семейный союз должен быть счастливым. Внутри семьи стал заметен поиск нового баланса между супругами, который теперь касался не только распределения обязанностей в зависимости от пола. Возникла новая идея о паре как о глубоком и сокровенном единстве двух человек. Оттого родителям стало сложнее подыскивать будущую невестку или будущего зятя. Становилось все более очевид-

но, что необходимо учитывать не только имущественные интересы и социальное продвижение, но и совместимость характеров и образа жизни. Уже недостаточно было просто объединить две партии, теперь речь шла о том, чтобы свести друг с другом два живых существа, которых будет связывать между собой нечто большее, чем потомство. Девушки существовали в условиях, когда к ним предъявлялись строгие моральные требования, нарушить которые было непростительной ошибкой. Поэтому найти подходящего жениха было делом первостепенной важности. Ожидания от женщин можно свести к следующим двум девизам: «Мужчины создают законы, женщины — нравы» и «Верность кровь бережет». Таким образом, женщины как супруги были ответственны за доброе имя семьи, а как матери — за чистоту рода.

В восприятии детско-родительских отношений также произошли некоторые сдвиги. Место детей в семье изменилось под совокупным влиянием таких факторов, как сужение семейного пространства, снижение детской смертности и буржуазный образ жизни, для которого характерно стремление к успеху. Ранее детей вверяли заботам (добросовестных или не очень) кормилиц и прислуги, и они оставались где-то на задворках, но теперь родители все чаще одаривали их благосклонностью и возлагали на них надежды. В первые годы жизни связь с матерью, которая не только произвела ребенка на свет, но и заботилась о нем и воспитывала его, была особенно сокровенной. Революционное наследие проявилось в том, что женщин воспринимали как первое и незаменимое звено в продолжении рода: благодаря им появлялись на свет граждане, воины, политики и будущие матери. Они не просто вынашивали детей — от их активного участия зависел успех беременности; также они принимали участие в воспитании на раннем этапе жизни. Будущее ребенка одинаково зависело от обоих родителей. Таким образом, под присмотром собственной семьи, семьи мужа и врача женщины переживали все надежды, ужасы и радости материнства.

Если ранее во Франции младенца традиционно отдавали на попечение кормилицы, то с начала XIX века в уходе за новорожденными возникло новое слово: грудное вскармливание брали на себя все матери, даже богатые городские жительницы. От знаменитого по сей день Жана-Луи Боделока [6] до авторов широко распространенных руководств, таких как П. Ж. Мари де Сен-Юрсен [7] и Пьер Жозеф Писси [8], врачи оживленно выступали за эту практику. К ним присоединялись священники, духовные наставники общества, что подтверждает редкое свидетельство некоего отца Фелина. Однако, несмотря на поддержку гигиенистов, руссоистов и части прессы, движение за то, чтобы кормили грудью все женщины, а не только крестьянки и «профессиональные» кормилицы, не увенчалось успехом. В лучшем случае кормилицы переезжали из деревень в дома своих работодателей, чтобы тем было легче их контролировать. Но дискуссия о необходимости материнского кормления очень показательна. Она становится социальной проблемой, которая включает в себя власть над деторождением, детскую выживаемость, сексуальную жизнь пары, повиновение семье и, наконец, место женщины вне семейного круга. Также мы видим, как все большее значение в данных вопросах приобретает медицина, наука, которая устанавливает контроль над женским телом и поведением.

В решении таких острых вопросов, как естественное грудное вскармливание, ключевую роль играла бабушка новорожденного по материнской линии, именно ее слово становилось последним. За счет своего опыта и привязанности к детям (особенно к дочерям) она оказывала существенное влияние на супружескую пару. С одной стороны, это обуславливалось тем, что нередко мужу к этому моменту уже исполнилось 30 лет, а часто даже намного больше, и в таком случае он скорее принадлежал к тому же поколению, что и его теща. С другой — зачастую отношения между матерью и дочерью были настолько тесными, что могли преобла-

дать над связью между мужем и женой и даже вытеснить ее. На кого еще мать средних лет могла направить свою энергию, нередко подкрепленную желанием проявить власть? Подверженная беспрецедентному по сравнению с прошлыми периодами репродуктивному давлению женщина строила свою идентичность вокруг роли жены и полностью посвящала себя семье, которая, согласно новым представлениям, основывалась на материнской любви. Кем бы она ни выступала (советчица, помощница, объект неудовольствия по мере старения), женщина была центральной фигурой на шахматной доске семейной жизни. Тем более что рубеж 40 лет был неумолим: утрачивая фертильность, женщина постепенно вычеркивалась из социальной жизни и могла действовать только «внутри», среди «своих». Распространенная в то время метафора женщины как дерева предполагала, что она будет полезна мужу и детям не только в «плодоносное время», но и после: они могут укрываться в тени ее листвы, пока та не увяла от старости.

Но этот мрачный и скорбный образ не должен затмевать более приятные стороны жизни. Личные вложения и вовлеченность не ограничивались ближним кругом, но распространялись на обширную сеть знакомств. Коммуникация была задачей первостепенной, но утомительной (как сказали бы сейчас — съедающей много времени). В обязанности жен входило поддерживать отношения с родственниками, устанавливать необходимые для дальнейшего социального продвижения контакты, сближаться с нужными высокопоставленными людьми. С помощью обширной переписки, ведомые личными привязанностями и корыстными побуждениями, они неустанно плели нити дружеских связей.

На узком и извилистом пути к признанию писательницы, художницы и другие женщины, которые желали проявить свои таланты, не должны были отступать от подобающей их полу скромности. Основными препятствиями для творческой и интеллектуальной деятельности женщин становились

их собственные тела и способность к деторождению. Просвещенные женщины как никогда раньше подвергались нападкам: доморощенные критики высмеивали их настоящий или мнимый педантизм, а медики им вторили. Такие врачи, как Кабанис, Моро де ла Сарт и Робер, вкладывали подобные тезисы в свои популяризаторские труды. Что мы в них находим? Например, Кабанис, предтеча психиатрии, утверждал, что образованная женщина становится «неопределенным существом, у которого, строго говоря, вообще нет пола». Быть знаменитой женщиной или, по меньшей мере, женщиной, известной за какие-то иные заслуги, помимо красоты, означало выйти за пределы приватного окружения, потенциально бросить вызов мужским талантам и поставить под вопрос свои женские добродетели — чистоту и смирение. «Бесстыжие охотницы за славой» должны были не только играть по правилам социальных норм, но и нарушать их, чтобы открыть себе лишь некоторые двери в мир творчества.

Также не стоит забывать о женщинах на войне. Этот важнейший аспект столь естественен для страны, находившейся в постоянных конфликтах, что почти всегда остается незамеченным. К ним относились не только солдаты женского пола (хотя это явление, безусловно, представляет интерес и очаровывает нас вот уже больше века), но и сотни тысяч жен, матерей, сестер и дочерей тех мужчин, которые проходили военную службу. В стране, «охваченной военным пылом» [9], многие из них томились в ожидании писем и бюллетеней Великой армии. Длительные военные кампании, победы, воспетые в *Te Deum*¹, поражения, предвещающие вражескую оккупацию, постоянное отсутствие братьев, мужей, отцов, их приезды в отпуск, ожидание писем, пересекающих европейские дороги и приносящих новости о живых и мертвых, — все это вплеталось в ткань повседневности. Военные действия накладывали отпечаток на все общество,

¹ «Тебя, Бога, хвалим» (лат.).

вне зависимости от того, к какому классу принадлежал человек или где проживал — в городе или деревне. Повсюду виднелась яркая военная форма. По воскресеньям и праздникам проводили военные парады. По различным оценкам, количество молодых людей, зачисленных в войска в период с 1792 по 1815 год, составило 2 200 000 человек, в то время как мужская часть населения страны составляла 15 000 000 человек. Высокий уровень мобилизации сопоставим с войнами эпохи Людовика XIV. Конфликт длился 15 лет, что оказало значительное влияние на жизнь женщин, оставшихся в тылу. Женщинам на войне, держащим внутренний фронт, в подавляющем большинстве приходилось переезжать, а некоторым — еще и учиться жить самостоятельно (иногда с большим энтузиазмом). Другие же присоединялись к своим мужьям-офицерам в казармах. Каждая женщина соприкасалась с войной; кто-то из членов семьи, или какой-то дальний родственник, или близкий знакомый, или сын соседей служил в армии.

В непостоянной супружеской жизни длительное ожидание мужа сменялось его отпусками. Военные действия затрагивали жизнь каждой семьи во всех социальных слоях. Это чувствовалось как в городах, где напоказ выставляли красивую военную форму, так и в деревнях, где из-за отъезда новобранцев оказывалось некому собирать урожай.

Но, кажется, лишь одно событие времен Империи, касающееся истории женщин, привлекло внимание и запомнилось: в 1804 году был принят Гражданский кодекс, первый юридический кодекс либеральной современности. Впервые в истории был утвержден свод законов, на национальном уровне и на столь длительный срок закрепивший права внутри пары и предписания по управлению и передаче семейного имущества. Многочисленные точные нормативные акты, регулирующие состав семьи и ее управление, не менялись вплоть до 1970-х годов. Несомненно, андроцентрический и в значительной мере антифеминистический Гражданский

кодекс был задуман мужчинами, рассуждавшими с позиции власти и исходившими из обязанности защищать. Разработанный в качестве социального проекта, он определял и узаконивал семейную иерархию. Семья сама по себе рассматривалась как форма жизненного уклада и единый финансовый комплекс, который обеспечивает будущее за счет воспроизводства поколений и передачи наследства. Семья основывается на принципах разумности, добровольности и защиты материальных интересов. Законотворчество не затрагивает область чувств, но не из презрения, а потому, что любовь и нежность относятся к частному и не регулируются указами. Семья, как «малая родина», по собственному образцу должна закладывать основы для «великой родины». Семьи подобны кирпичикам, скрепленным законодательным цементом, из которых и возводится нация. Кроме того, считалось, что такой стабильности можно достичь только при твердом руководстве. В Кодексе, согласно античной традиции, закреплялось главенство *pater familias* — отца семейства. Это обстоятельство противоречило идее независимости «женского пола» и предоставления ему экономической или социальной свободы. Каким бы странным и несправедливым нам бы это ни казалось, юридически пара рассматривалась не как совокупность двух людей, а как единственный человек. Муж и отец наделен властью представлять свою семью, только с ним государство и взаимодействует. Эта оговорка отражает место супруги в семье и юридически закрепляет его. Мадам де Сталь великолепно реформулирует ее следующим образом: «Женская натура всегда двойственна, в то время как мужская нацелена лишь на себя самое» [10].

Накал полемики становится понятен благодаря одному из пунктов Гражданского кодекса. Статья 213 гласит: «Муж должен защищать жену, а жена — подчиняться мужу». Эту фразу зачитывали в ратуше во время заключения брака вплоть до 1938 года. Она иллюстрирует гражданскую неполноценность замужних женщин, чей статус был при-

равнен к несовершеннолетним, ведь они не могли обойтись без мужа, который мог бы защитить семью. Очевидно, к этому приложил руку консул Бонапарт, вскоре после этого ставший императором Франции Наполеоном I: он принимал активное участие в подготовительной работе Государственного совета, и от него зависела окончательная редакция Кодекса. Равнодушный к женской эмансипации, сегодня во многих исторических трудах он олицетворяет собой фаллократа, творца женоненавистнического государства, который окончательно похоронил Французскую революцию. Его циничное видение женщин предполагается ключом к пониманию Кодекса.

Однако нельзя упростить свод законов, долгое время считавшийся исчерпывающим и не знавший изменений, до статьи 213 и указать на идеального козла отпущения. Ему предшествовал особенный юридический процесс, который вызывает ряд вопросов. Каковы законодательные предпосылки подготовки Кодекса 1804 года? Какими правами обладали женщины при Старом порядке, а затем во времена Революции? Что из этого они сохранили, а что оказалось забыто или изменилось? Кто еще учитывается в Кодексе как субъект? Чем отличались нормы семейного права во Франции в сравнении с соседними странами? Эти вопросы подталкивают нас задуматься о следующем: почему господство мужчин с такой легкостью закрепилось в законодательстве? И как без труда удалось выстроить такую иерархию в паре?

Действительно, судя по доступным нам сегодня материалам, мы с удивлением обнаруживаем, что принятие Кодекса Наполеона не вызвало практически никакой реакции относительно положения женщин со стороны общественности (в том числе социальной или культурной элиты). Все говорит о том, что нормы Кодекса отражали концепцию, уже существующую в обществе. Никто не заявлял протест, за исключением литературных деятелей. Конечно, Жермена де Сталь и Констанция де Сальм (в то время более известная

под фамилией де Пипле) отпустили в своих произведениях кое-какие замечания, но столь незначительные, что они так и не вышли за пределы некоторых светских кругов. Очевидно, ни среди женщин, ни тем более среди мужчин не существовало движения, требовавшего женской эмансипации. Интеллектуальная элита ни тогда, ни в XVIII веке, ни во времена Революции не собиралась этим заниматься. Более того, идея различий между полами, получившая распространение при революционном режиме, окончательно укоренилась в Империи. Мы можем даже наблюдать крайне консервативную тенденцию относить два пола к разным мирам с четко очерченными границами. Разделение людей по половому признаку не просто признавалось, оно даже не обсуждалось.

Действующие силы из различных сфер пришли к статус-кво. Во-первых, многим было присуще если не женоненавистническое мировоззрение (для которого характерно пренебрежительное и даже враждебное отношение к женщинам), то, по крайней мере, сексистское (в том смысле, что признавалось четкое различие между полами). Такие суждения были достаточно распространены во Франции, поскольку в ней еще были сильны традиции земледельческого общества. Наряду с этим следует учитывать определенный религиозный конформизм и наследие естественной философии Просвещения. Также на пренебрежительный тон дискурса повлияли врачи-гигиенисты, рассуждающие о женской физиологии. В этом новом мире, в разгар народного возрождения, республиканцы стремились утвердить для женщин модель «горнила гражданина» и избавиться от слишком женственных (читаем: «женоподобных») мужчин Старого порядка. И наконец, военная обстановка снова возводит Добродетель в римском понимании, мужество и доблесть (как в физических проявлениях, так и в моральных) к исконно мужским качествам.

Бурная история женщин этой уникальной и сложной эпохи оставила грядущим столетиям глубокие шрамы. Зна-

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

Прево Шанталь
ПОД КОНТРОЛЕМ
Женские судьбы после Французской революции

Ответственные редакторы *М. Терехова, Е. Солодовникова*

Редактор *Л. Комягина*

Художественный редактор *О. Жукова*

Технический редактор *Л. Синицына*

Корректоры *В. Алексина, М. Топеха*

Компьютерная верстка *Е. Зеленина*

В оформлении обложки использованы иллюстрации
© Rawpixel.com / Shutterstock.com; © Modernfonts / Shutterstock.com

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 25.06.2026.

Формат 60 × 88 ¹/₁₆. Гарнитура «OriginalGaramond BT».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,46.

Тираж 1500 экз. М-FEM-34865-01-R. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» –	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ –
обладатель товарного знака КоЛибри	КоЛибри тауар белгісінің иесі
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68,	Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат,
БЦ «Регул», 2-й этаж	«Регул» бизнес орталығы, 2-қабат
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

